

Новогодние каникулы

Алекса намеренно опоздала на полчаса. Крайне редко она соглашалась прийти к мужчине домой, но этот был слишком настойчив, да и любопытно было увидеть, как живет народный артист России, художественный руководитель областного театра, с которым она познакомилась месяц назад при столь скандальных обстоятельствах.

Она много раз видела его на сцене и в кино, но не была его поклонницей. Будучи старше нее лет на двадцать, он находился в отличной форме: высокий, длинноногий, с подтянутым торсом и роскошными усами. В строгих костюмах без галстука он выглядел более непринужденно, чем в джинсах и майках, двигался легко, шутил уместно — и что-то зацепило ее в этом мужчине, заставляя отбросить свой обычный скептицизм по отношению к ухажерам старше пятидесяти.

Уже четыре недели они переписывались в мессенджерах, спорили на репетициях в театре и несколько раз встречались за ужином. Направляясь сегодня в гости, Алекса еще не определила для себя те границы, переходить которые ей не хотелось бы. Она решила действовать по ситуации. В конце концов, она так пахала все первое полугодие, что могла себе позволить теперь отдохнуть.

Его квартира предсказуемо поразила ее. Обилие предметов искусства превратило прелюдию в целый час неспешной экскурсии по комнатам. Он блистал познаниями в живописи и скульптуре, она умело поддерживала беседу. Интеллектуальная дуэль, сдобренная мартини, достигла апогея в спальне.

Для снижения эмоционального накала и растягивания удовольствия Алекса предложила игру: сначала снять белье, оставляя всю одежду нетронутой. Артист со всей страстью и изобретательностью принялся за решение творческой задачи, стараясь не отставать от хитрой гостьи, предусмотрительно надевшей маленькое черное платье-коккон с просторными карманами в области талии. В разгар сольного мужского выступления раздался звонок в дверь.

— Кто это? — перестала хохотать Алекса.

— Наверное, еду из ресторана привезли, — подмигнула он, выходя из комнаты. — Я мигом!

Оставшись одна, она бросила взгляд в зеркало, кивком головы перекидывая шапку густых волос в сторону выбритого виска, и сделала глоток из длинноногого треугольного бокала.

— Черт! — донесся славенный вопль отчаяния из коридора.

— Что случилось? — крикнула Алекса, беспечно размахивая ножкой в кресле.

— Тс-сс! — одернул ее вбежавший в комнату артист и бросил на пол женский пуховик, зимние кроссовки и кожаный рюкзачок. — Тише! Это жена.

— Кто-оо? — Алекса брезгливо поджала ноги, будто к креслу подступила вода. — Ты же говорил, что свободен...

Вместо объяснений он схватил ее за руку потащил в сторону гардеробной комнаты, соседствующей со спальней:

— Умоляю, посиди здесь тихо. Я все решу.

Алекса брезгливо дернула плечом и вырвалась.

— Ну, пожалуйста! — взмолился он.

— Какого черта? Что за банальщина!

— Будь хорошей девочкой, — шепотом затараторил он, собирая ее вещи с пола. — Пусть это будет продолжением игры! Посиди тут минут десять. Пять! Пять минут. Она с дороги всегда сразу идет в душ. И ты спокойно выйдешь из квартиры.

Он чмокнул Алексу в нос, вручая ей пожитки, и закрыл дверь гардеробной перед ее носом. Не до церемоний — надо бежать открывать другую дверь!

— Такая игра, значит... — процедила сквозь зубы пленница, вынимая рукав пуховика из бокала мартини, который все еще держала в руке.

Она тут же вышла из укрытия и выплеснула остатки вина в цветок на подоконнике. Около кровати она остановилась, окинув взглядом комнату: действовать надо быстро.

Из коридора доносились бряцанье ключей, шаги, чмоканья и знакомый голос:

— Дорогая! Это ты? Не понравилось в пансионате? Ну и правильно, что вернулась. Что же ты не предупредила, я бы встре... — замер на полуслове заботливый муж, обернувшись на хлопнувшую в спальне дверь.

В другом конце коридора — в застегнутых на все липучки кроссовках и распахнутом объемном пуховике — стояла разъяренная Алекса. Она скрестила на груди руки и с кривой ухмылкой смотрела на супругов. На фоне белой стены ее фигура в черных одеждах сливалась с ее же тенью и, казалось, увеличивалась в размерах вместе с глазами хозяев квартиры.

— Значит, так, Евгений Львович, — решительно произнесла Алекса, поправляя сползавший с плеча рюкзачок, — я не собираюсь быть свидетелем еще и ваших семейных сцен. С меня хватило увиденного. — Она кивнула сначала в сторону спальни, затем — жене: — Здравствуйте.

— Что происходит? — по слогам произнесла дама в соболях, отстраняя мужа.

— Я приехала сюда за сто километров, чтобы выяснить то же самое, — не шевельнувшись, ответила ей незнакомка. — А причина стара как мир. Вы понюхайте его и поймете.

Евгений Львович перестал дышать, но жена все равно учуяла мартини.

— Ты пил? — Она расстегнула шубу, освобождая вздымающуюся грудь.

— Совсем немного... — развел руками благоверный.

— Немного?! — зло крикнула Алекса, отчаянно жестикулируя. — Так немного, что не смог приехать на

съемку?! Я только что застала вас в совершенно свинском состоянии! На кровати, с начатой бутылкой! Как вы дверь-то смогли мне открыть, не понимаю.

Жена хотела вставить слово, но не успела — Алекса заорала еще громче:

— Короче, я больше не собираюсь носиться с вами как с писаной торбой! Мне плевать на ваше звание и прежние заслуги! Времена изменились: хотите — работайте, нет — найдем другого. Свято место пусто не бывает! — Она расстегнула свой рюкзачок, достала из него какие-то листы с напечатанным текстом и танком пошла в сторону обидчика: — Сколько можно, Евгений Львович? Если так будет продолжаться, я больше не буду пробивать для вас ни один проект! Я не могу дозвониться до вас три дня, вынуждена тащиться сюда... Прикажете подтереться теперь этими договорами?

— Какими договорами? — только и смог произнести он, пытаясь отстраниться о бьющихся о его лицо бумаг.

— Вот этими самыми! — взвизгнула Алекса и обиженно начала заталкивать их назад в рюкзачок. — Конечно! Не вы же столько времени и денег потратили, чтобы добиться этого контракта! Лично я больше не намерена из-за вас терять свои деньги! Все! Даю вам последний шанс — завтра в восемь на съёмочной площадке и ни минутой позже! От вас уже все отказались, одна я как дура с вами ношусь!

Только на этом этапе Евгений Львович начал соображать и, вспомнив, что он артист, включился в диалог:

— Александра Павловна, простите ради бога! Я же вам уже объяснил, что произошло недоразумение...

— Да идите вы! — не стала его дослушивать Алекса и отпихнула, выходя из квартиры.

Через мгновение она обернулась и сказала остолбеневшей жене:

— До свидания! Извините, накопело, — и зашагала в сторону лифта.

Евгений Львович буркнул супруге:

— Это мой новый продюсер. Я сейчас, проходи, — и рванул за Алексой, тщательно прикрыв за собой дверь.

— Ну ты даешь! — успел он схватить ее за рукав, когда она заходила в лифт. — Вот это игра!

— Это не игра, — холодно сказала она, стряхивая его руку и нажимая на кнопку первого этажа. — Твой репертуар устарел, я вычеркиваю тебя. И, кстати, трусы свои я не нашла — наверное, где-то в кресле остались. Удачного вечера!

Двери лифта сомкнулись, оставляя за бортом немолодого мужчину, внезапно потерявшего всякую привлекательность. Алекса вздохнула и, достав из кармана платяя стринги, быстро надела их прямо через высокие кроссовки и подтянула чулки повыше — на улице холодно.

Около подъезда, завернувшись в огромный пуховик, она выплюнула мятную жвачку, посмотрела вверх и замерла, подставляя лицо огромным неспешным снежинкам. С детства такой крупный, замедленный безветрием снегопад действовал на Алексу магически, вызывая ощущение полета. Так и хотелось вытянуться вверх, стать легкой и тонкой, настолько, чтобы проноситься между пушистыми кристаллами и чувствовать, как на скорости они задевают щеки влажно-колючими краями. Никаких ясных очертаний впереди, только бесконечное мелькание белых хлопьев, возникающих из темноты, — чистое торжество полета. Закрываешь глаза и летишь, летишь, всем телом по дуге огибая Землю.

Она никому не рассказывала об этих фантазиях, будто в них было что-то ненормальное. Полет же должен быть не таким... А наподобие прыжка с обрыва с широко расставленными руками в ясный солнечный день, чтобы медленно парить над полями и лесами — вот это правильно, это нормально. А нестись сквозь бездну, не размахивая руками-крыльями, не видя ничего — это же странно...

Захотелось курить. Но пощипывающий выше чулок мороз заставил Алексу бегом преодолеть огороженный двор, богато украшенный к Новому году, и поймать такси.

«Эх, жаль, не на своей машине приехала, — подумала она, вскидывая руку, — сейчас можно было бы поколесить по городу в одиночестве. Если бы не бокал мартини, ко-

нечно. Кстати, бокал!» — она нащупала его в глубоком кармане своего безразмерного черного пуховика, колоколом расширяющегося книзу, и выбросила в урну, мимо которой проходила.

Усевшись на заднее сиденье автомобиля, Алекса машинально достала телефон.

— Куда едем? — спросил таксист.

— А пофиг. Повозите кругами, хочу погреться, музыку послушать, — сказала она, доставая из рюкзака наушники.

— А ты это, не под кайфом ли? — обернулся водитель и серьезно посмотрел на нее.

— Если бы! — хмыкнула она.

— А че тогда? — не отставал пожилой шофер.

— Да пошла на свидание, а мужик дерьмом оказался.

— А-ааа, — понимающе протянул таксист, — бывает. Я тогда по своим делам сгоняю, ты не против?

— Давай, — согласилась Алекса, надевая наушники.

Она открыла на своем смартфоне раздел музыки, в списке плейлистов нашла подборку «Грусть 30 минут» и нажала воспроизведение.

— Разбуди меня через полчаса, если задремлю, — попросила она водителя, прикрывая глаза.

— Лады, — кивнул он и бросил сочувствующий взгляд на пассажирку в зеркало заднего вида.

Машина тронулась. В уши Алексе ударили жалобные ноты, которые она давно не слышала. Первая композиция всегда усиливала тоску, пронзительными звуками продираясь вглубь души и выцарапывая острыми когтями жалость к себе. Следующие две мелодии переводили острую боль в стадию хронической, притупляли чувства, бешеным ритмом и оглушающей громкостью выбивая страдания из головы. Потом наступал черед состояния невесомости, медитационного раскачивания под повторяющиеся нараспев мантры на непонятном языке в сопровождении умиротворяющей музыки. Последние три песни возвращали Алексу в реальность, наполняли силой, ноги и руки начинали подергиваться в такт энергичной мелодии, глаза

открывались, желание идти вперед, не обращая внимания на мелочи и неприятности, вновь поселялось в ней. Впадать в уныние дольше, чем на полчаса, Алекса себе не позволяла.

— Ну, ты как? — спросил таксист свою странную пассажирку ровно через тридцать минут. — Домой? Или еще покатать?

— Давай домой. — Она назвала адрес, но через минуту передумала и назвала другой.

Водитель покачал головой, однако ничего не сказал.

Алекса посмотрела в телефон и увидела сообщение от народного артиста: «Дай мне еще шанс».

«Зачем? Чем ты можешь меня поразить еще? — быстро напечатала она. — Порядочностью? Уже. Игрой?)))»

«Согласен, в импровизациях я не силен. Но нельзя судить по одному разу».

«По несостоявшемуся разу — можно».

«Сегодня один-ноль в твою пользу. Но не сомневайся, я тоже смогу тебя удивить».

Алекса хмыкнула и ответила: «Уже удивил. Не хочу встречаться с актером, которого сама легко могу переиграть. Чао».

«Я не сдамся», — прилетело в ответ.

— Ну-ну, — произнесла Алекса и заблокировала собеседника во всех соцсетях и внесла в черный список звонков на телефоне.

При дурацких обстоятельствах познакомились — при дурацких и расстались.

Месяц назад Ираида Андреевна, седовласая учительница старой закалки, обратилась к Алексе с просьбой помочь ей сводить детей на спектакль по «Ревизору» Гоголя. Дело в том, что Ираида Андреевна, как всегда, в начале учебного года выкупила билеты на несколько постановок по классическим произведениям, которые она преподавала

в восьмых и девярых классах. Посещение театра хорошо помогало в изучении литературы: весь класс хотя бы начинал понимать, о чем произведение, а некоторые ученики под влиянием увиденного даже решали его прочесть.

Подобный ход Ираида Андреевна считала новаторским педагогическим приемом и практиковала уже лет двадцать, но впервые столкнулась с массовым неприкрытым отказом детей идти на спектакль, поэтому не знала, куда деть половину билетов. Лишь надежда на возмещение убытков заставила ее обратиться к Алексе, безответственному представителю учителей новой формации, которые не только не умеют держать строжайшую дисциплину в классе, выдавая вечный гул за творческую атмосферу, но и сами выглядят как старшекласники — с модными причесочками и с телефонами в руках.

— Александра Павловна, я понимаю, что «Ревизора» изучают в восьмом, но ведь произведение входит в ЕГЭ! — аргументировала свое предложение Ираида Андреевна.

— Экзамен по литературе у меня собирается славать всего один ученик, я могу просто предложить одиннадцатому классу сходить в театр.

— Главное — вы сами с ними идите. Пожалуйста!

Расчет на популярность Алексы у школьников сработал: все билеты расхватали в тот же день.

Благодаря Алексу, Ираида Андреевна не сдержалась и добавила:

— Ужас, какие все грамотные стали! Раньше говоришь: «Идем на спектакль!», и все шли без вопросов. А теперь начинается: «Мы не обязаны! Вы не имеете права нас заставлять посещать что-либо на платной основе! На эту сумму я три раза в кино лучше схожу!» Вот куда ваша демократия привела!

Последнюю фразу Ираида Андреевна повторяла еще полночи после спектакля, не в состоянии уснуть даже после пузырька валерьянки. В финале постановки, которую она видела своими глазами уже не первый год, случилось страшное: немая сцена была показана, как в театре теней, — за тканью, которая на секунду пала вниз, обна-

жая актеров в самом прямом смысле. Такого количества нагих разнополых людей вместе Ираида Андреевна не видела за всю свою жизнь, и сначала ей показалось, что ей показалось. Если бы не устремленные на нее вопросительные взгляды Алексы и всех учеников, она так и осталась бы при этом мнении.

Школьники начали хихикать, а Алекса прошипела в ухо сидевшей рядом Ираиде Андреевне:

— Какого черта вы водите детей на такой спектакль? Вы хотите разборку с их родителями?

— Александра Павловна, клянусь, я такое вижу впервые! Никогда ничего подобного не было! Вот вам крест!

— Оставьте вы себе свой крест. Молитесь, чтобы его не поставили на вашей карьере после таких перформансов.

— Ой, не говорите, Александра Павловна, — прошептала Ираида Андреевна, трясущейся рукой шаря в сумочке в поисках лекарства или носового платка, — что же это делается?! Как это возможно?

— Оставайтесь с детьми, я пойду узнаю, как это возможно, — приказала Алекса и пошла искать руководство театра, как только занавес опустился.

Через пять минут она ворвалась в кабинет худрука, обрушив на него всю мощь своего возмущения. Мужчина за столом удивленно вскинул брови, не в силах вставить хоть слово в плотный поток речи неизвестной ему брюнетки в черном брючном костюме.

Когда Алекса умолкла, он жестом предложил ей присесть в кресло около его стола:

— Мы сейчас обязательно все решим, не оставляю же я вас в таком состоянии! Давайте по порядку, что случилось?

— Я уже все объяснила! — огрызнулась незваная гостья, продолжая стоять.

Он налил воды и протянул ей:

— С кем имею честь...

— Александра Павловна Зуйкова, — оборвала она его и демонстративно отвернулась от предложенного стаканчика, — учитель частной школы «Новая классика».

Мужчина поставил воду на стол и, едва коснувшись кончика густых усов, представился хорошо поставленным голосом:

— Евгений Львович, художественный руководитель театра... — и осекся, протягивая руку, которую уже отвергли секундой раньше.

— ...народный артист России, — договорила за него Алекса, вскользь коснувшись пальцами его ладони. — Я прочитала табличку на вашей двери.

Он еле заметно улыбнулся ситуации, в которой оказалась посетительница отказывалась, стоять друг напротив друга, как два барана, и разговаривать с миниатюрной женщиной с высоты своего роста — не подходящий для улаживания конфликта вариант. Худрук присел на край стола, чтобы стать хоть немного ниже, и вежливо спросил:

— Так в чем же суть претензий?

— Закон требует предупреждать о подобных вольностях на сцене! — прошипела Алекса.

— Мы и предупредили. — Он указал на большой плакат, висящий на стене за спиной посетительницы. — В начале сезона мы добавили маркировку «18+» и на афиши этого спектакля, и на билеты, и в рекламные тексты.

Алекса умолкла: она не видела ни того, ни другого, ни третьего. Ираида Андреевна держала все билеты у себя, чтобы дети их не растеряли. Неужели это старая карга так ее подставила? Но ведь она и сама пошла...

— А почему... — запнулась Алекса, — почему тогда вы пустили в зал несовершеннолетних?

— Возрастные ограничения носят лишь рекомендательный характер. При сопровождении несовершеннолетних зрителей взрослыми мы не имеем права ограничивать их посещение театра при наличии оплаченных билетов. Вся ответственность за увиденное ложится на этих взрослых. Кто сопровождал ваших детей?

Вслед за героями Гоголя настал черед Алексы замереть в немой сцене. Она опустилась в кресло и тихо произнесла:

— Взрослые сопровождали...

— Почему же тогда претензии не к ним? — вежливо, без издевки поинтересовался Евгений Львович.

Алекса молча взяла стакан с водой и отпила.

— Скажите, вы водите машину? — вдруг спросила она.

— Вожу... При чем здесь это?

— Я хочу задать вам вопрос, — в голосе Алексы снова зазвучала уверенность, — если вы регулярно ездите одной и той же дорогой, смотрите ли вы каждый раз на знаки? Ожидаете ли вы, что они вдруг изменятся? Нет, не ожидаете. И именно поэтому в первые дни изменения знаков там собирают кучу штрафов. Моя коллега водила учеников на вашего «Ревизора» много лет и...

Дверь в кабинет распахнулась, и на пороге появился полноватый мужчина в барском халате на голое тело и домашних туфлях с меховой оторочкой. Он с любопытством оглядел девушку с авангардной стрижкой и уселся во второе кресло, дав жестом понять, что не собирается мешать начатой без него беседе.

— А это как раз по твою душу пришли, — обратился к нему худрук и погрозил пальцем. — Я тебя предупреждал, что так и будет с твоей постановкой. Вот послушай, что говорят наши зрители. Это режиссер данного спектакля, — пояснил он Алексе.

— И исполнитель главной роли! — с гордостью добавил барин.

— Я узнала, — сухо произнесла незнакомка.

— Так что же говорит наша публика? — улыбнулся режиссер. — Которой посчастливилось увидеть новое прочтение финала классического произведения, а?

Алекса бросила взгляд на Евгения Львовича: тот сложил руки на груди и явно не собирался вмешиваться, выжидательно наблюдая за происходящим. Алекса откашлялась, поставила стаканчик на стол и пошла в атаку:

— Я преподаю в школе литературу больше десяти лет и учу детей опираться в первую очередь на сам текст, а не на домыслы критиков и постановщиков, ради красного словца и повышения собственных рейтингов готовых на любые дешевые трюки.

— Тю-юю... — протянул артист, поглубже запахивая халат. — Признайтесь, вы просто стесняетесь вида обнаженного тела?

— Лично я не стесняюсь, — ответила она. — Но каждый год к вам приводят целые классы школьников. Собственно, это и есть основные зрители. Так зачем это неуместное вкрапление обнаженки?

Режиссер открыл рот, подыскивая слова.

— Александра Павловна... — подсказал ему худрук, с нескрываемым удовольствием следя за перепалкой.

— Александра Павловна, — подхватил эстафету исполнитель главной роли, — может, все дело в том, что вы... своим, так сказать, замыленным классическим прочтением взглядом не смогли рассмотреть всю мощь нашего замысла? — ехидно спросил он.

— Рассмотрела я всю вашу мощь, не переживайте, мы во втором ряду сидели,— снисходительно ответила ему Алекса. — Вы же играли, как я понимаю, Городничего? Так что место в центре немой сцены вы застолбили за собой еще на этапе распределения ролей, получается. По-вашему, зрители должны были прийти в восторг, проводя параллель между вами и Гоголем?

— Вот! Вы же заметили эту параллель? — воскликнул режиссер, тыча в собеседницу пальцем из своего кресла.

— Я заметила вашу жалкую попытку провести эту параллель, — поправила его Алекса. — Николай Васильевич впервые построил пьесу не на любовном, а на социальном конфликте. Он обнажил в финале истинные лица поверивших в липового ревизора персонажей — знаменитая немая сцена. Но вы решили, что круче классика? И можете пойти дальше — обнажить своих героев целиком и в самом прямом смысле?

Евгений Львович перестал вертеть головой, следуя за собеседниками, и, не отрываясь, ловил слова, интонации и жесты молодой учительницы, которую, честно говоря, сначала принял за старшеклассницу.

— А кто скажет, что «Городничий-то голый!» — тот ретроград и замысла вашего великого не понял! — Она

насмешливо сверкала глазами, впечатывая режиссера в кресло. — Удобная позиция! Но за ней же сквозит, что вам просто не хватило таланта и режиссерского видения. Я смотрела куда более современные постановки в лучших театрах мира, в разных жанрах, и дело не в голых телах или шокирующих декорациях. Это все имеет право на существование. Но если это служит определенным художественным целям! Если является частью целостного видения режиссера, его концепции! А что получилось у вас? Старый заезженный спектакль и вот этот «бабах» в конце? К чему? Зачем?

— Да, зачем? — поддакнул Евгений Львович, не глядя на коллегу.

— Была бы вся постановка модернистской — о'кей. — Алекса встала и прошла по кабинету. — Но это что за гибрид? На какую целевую аудиторию рассчитан? Если на восемнадцать плюс, то на что тут смотреть взрослым в течение полутора часов до этого нафталинового стриптиза? Вы уж определитесь как-то, наймите понимающих людей, что ли, если сами не можете осовременить классику. Или уж гоняйте спектакль и дальше еще двадцать лет без изменений.

— Вот! Слово в слово — то, что я тебе говорил! — Евгений Львович повернулся к режиссеру, растворившемуся в кресле и плюшевом халате.

— Ладно, тут все ясно. Приятно было познакомиться, — вдруг формально завершила беседу Алекса и направилась к двери.

— Александра Павловна! — слишком громко и неожиданно для себя выкрикнул Евгений Львович.

Она обернулась.

— Вы озвучили очень важные вещи, — немного смущенно произнес он. — Важные для театра. Могли бы мы с вами продолжить дискуссию о Гоголе?

— Дискуссия возможна, когда второй стороне есть что сказать, — она кивнула на застывший эмбрион режиссера. — Всего доброго. Будем внимательнее смотреть на билеты перед каждым посещением вашего театра.

— Подождите! — хухрук рванул за ней в коридор. — Можно я позвоню вам?

Она покачала головой:

— Не сто́ит.

— Тогда я напишу вам! — сообразил он. — Нам очень нужна обратная связь. С нашими зрителями.

— Я уже все сказала.

— Вы же электронные билеты покупали? — не сдавался Евгений Львович. — Значит, у нас есть ваша почта.

— Нет! Их по старинке покупала в вашей кассе моя семидесятилетняя коллега, — впервые порадовалась ее цифровой беспомощности Алекса и твердо произнесла: — Прощайте.

В фойе ученики осаждали Ираиду Андреевну, которая из последних сил пыталась доказать что «ничего такого не было» и «весь этот срам» подросткам лишь примерещился.

— Александра Павловна, вы тоже ничего не видели? — восьмиклашки набросились на подошедшую к ним более молодую учительницу.

— У вас тоже проблемы со зрением? — иронично добавил Глеб, рыжеволосый красавец из одиннадцатого.

— Нет, у меня проблемы не со зрением, — без тени смущения ответила она, — а с интерпретацией увиденного, если честно.

— Вы не успели разглядеть всех? — искренне удивился долговязый одноклассник Глеба.

— Нам показали актеров всего на доли секунды, значит, не было задачи, чтобы мы их успели разглядеть, — объяснила Алекса.

— А зачем тогда это вообще показали?

— Наверное, пытались намекнуть нам на что-то. Вы уже забрали свои куртки из гардероба?

— И на что хотели намекнуть? — проигнорировали ее вопрос школьники.

— Что на голых старперов дольше секунды смотреть невозможно, — вставил Глеб под всеобщий хохот.

Ираида Андреевна промокнула себе лоб влажным платком.